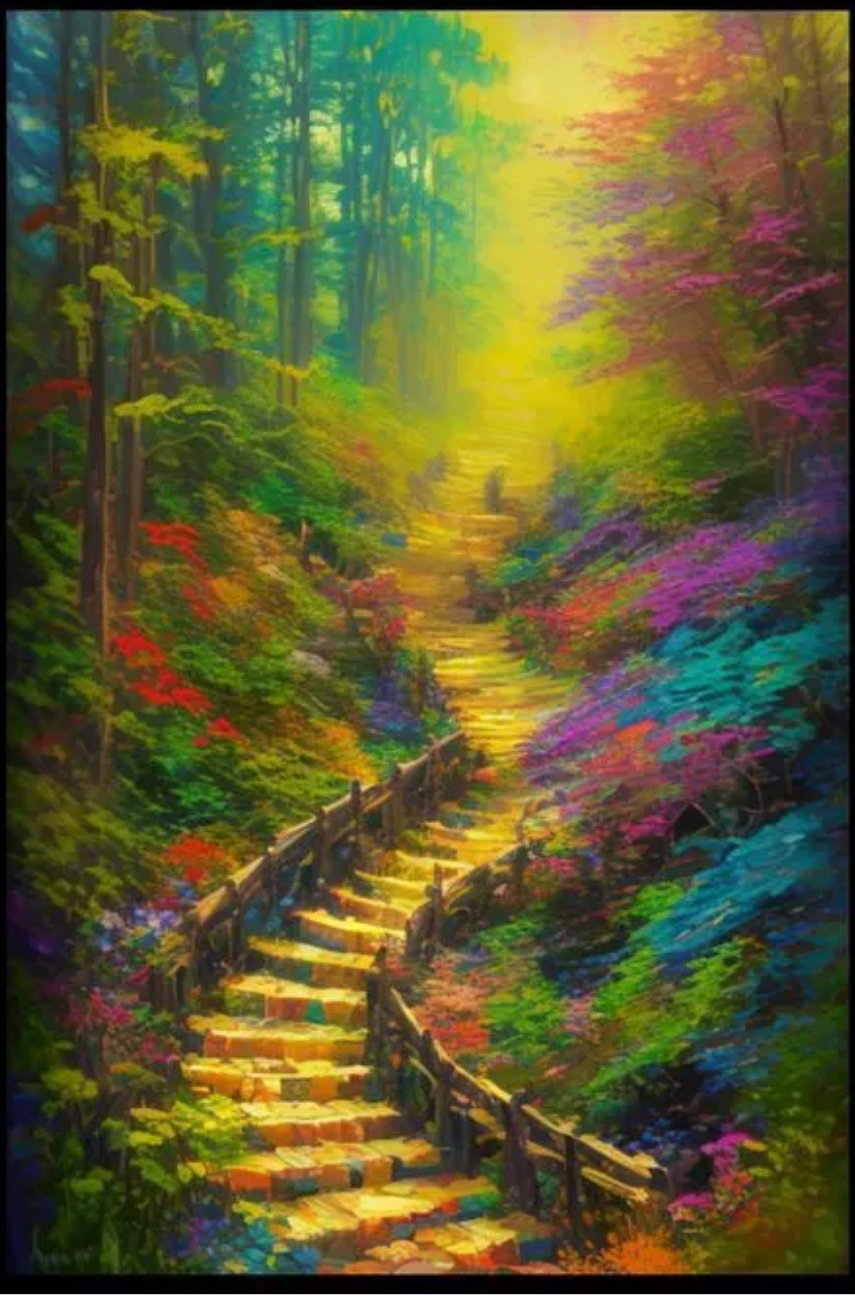
Кельтский клад

Сборник мистических рассказов современных кельтских писателей

"Кельтский клад"

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Лауренсия Маркес

Ссылка на публикацию

Сара Голдсмит

Агнес и Болстер

Болстер не мог уснуть. Он лежал без сна в своей постели, устремив глаза в потолок над головой, слушая, как волны разбиваются о скалы под его домом. Ветер выл и визжал, со свистом врываясь в трубу и поднимая облако дыма по комнате. Взгляд Болстера скользнул по грязной посуде и на мгновение задержался на камине, наблюдая, как ветер, наконец, задул пламя. Он громко фыркнул и закатил глаза к потолку. Вздохнув так тяжело, что кровать затряслась под его гигантским телом, он спустил ноги на пол с соответствующим стуком.
Он посмотрел в окно, вниз, на пенящуюся воду внизу. Он видел много кораблей, потерпевших крушение на этих скалах, и что-то заставило вспыхнуть в его сердце маленькую искорку радости.

Болстер накинул куртку на свои огромные плечи и вышел на улицу. Ветер трепал его волосы, чайки боролись с воздушными потоками, их жуткие крики напоминали ему о сельских жителях, которых он любил мучить. Его тяжёлые шаги прогрохотали по тропинке, подальше от вершин скал, на сушу. Струйки дыма спиралями поднимались в небо из многочисленных труб крошечных домиков в деревне. Медленная улыбка расползлась по его лицу, когда он подумал обо всех этих маленьких людишках, что забивались в свои домики, спасаясь от бури.

"Утки сидячие", - со смешком подумал он про себя.

В мгновение ока его гигантские ноги привели его в деревню. Ветер здесь был не таким сильным, его скрывали деревья, которые служили заслоном для капризов Атлантики.

Болстер постоял мгновение, решая, в какую сторону идти. В воздухе зазвучали оживлённые голоса, и он проследил, откуда доносился звук, - из таверны. Там он всегда мог найти себе развлечение по душе... Кивнув, он повернулся в сторону трактира, представляя лица этих добрых людей, потягивающих из своих кружек.

Ему никогда не надоедала эта игра.

За его спиной внезапно послышались торопливые шаги.

- Извините! - воскликнул женский голос.

Болстер ухмыльнулся. Итак, вот и новое занятие. Новизна добавляла ему интереса. Он продолжал идти, взволнованный тем, каким же будет следующий шаг женщины.

- Извините... Эй, вы, здоровенный болван, я с вами разговариваю!

Он медленно повернулся, придавая своему лицу выражение, которое, как он знал, было его самым устрашающим хмурым выражением. Он покажет этим низким маленьким женщинам, кто такой болван.

- Итак, вы меня услышали! Ну что же... Я слышала о вас, - воскликнула она. – Вы приходите в деревню, самоутверждаетесь. Вы чуть не до смерти напугали моего дедушку. Мне пришлось приехать из Труро, чтобы приглядывать за ним!

Великан оглядел молодую женщину сверху вниз. Он видел, как раскрывался и закрывался её рот, напоминающий розовый бутон, наблюдал за её изящными руками, которыми она бурно жестикулировала, и заметил, как нетерпеливо притопывали её совершенные ножки. Но он не слышал ни слова из того, что она сказала.

- Вы даже не слушаете меня! - взорвалась она, щёки её вспыхнули от ярости.

- Я - Болстер.

Она вздохнула и закатила свои васильковые глаза: - Я точно знаю, кто вы. Я слышала все эти истории. Как вы крали овец у Джорджа Полруана, как вы бросали камни в рыбацкие лодки в море, как вы окунули бедного Джема Трегерена в кричащий пруд на Бодмин-Мур. Что ж, - я, например, больше не могу этого терпеть. Вы слышите меня, Болстер-великан?

Глубоко в животе Болстера что-то шевельнулось. Лицо его вспыхнуло, а сердце застучало в груди, как будто армия мышей отбивала внутри него чечётку.

Стараясь говорить как можно тише, он обратился к храброй молодой женщине: - Мне очень жаль, что я расстроил вас, мисс. Я не хотел никого обидеть. Это просто шутка.

- Шутка? Травля, вот что это такое, просто и ясно. Но теперь это прекратится. Вы меня слышите? Болстер прищурился. Эта молодая женщина была не только

дерзкой, она была самым красивым существом, которое он когда-либо видел. Длинные рыжие волосы ниспадали до талии, развеваясь на ветру. Изящная, миловидная и при этом бесстрашная, она стала бы идеальной женой для великана. Он представил себе эту сцену: чистый и уютный дом, красивая молодая горничная, которая будет присматривать за ним, отважная жена, которая будет держать его в тонусе... В его голове сложился план, и он улыбнулся женщине сверху вниз.

- Как тебя зовут? – спросил он тихо.

Она нахмурилась, застигнутая врасплох переменой в великане: - Агнес. Агнес Хэмметт. Зачем вам, какая вам разница?

Болстер лукаво улыбнулся: - Для меня это имеет значение, поскольку фамилия твоя скоро поменяется.

Агнес скрестила руки на груди, продолжая стоять на своём: - Что заставляет тебя так думать, великан?

Великан пожал плечами, и движение это вызвало некоторую дрожь под ногами Агнес: - Мне ведь нужна жена, вот я и нацелился на тебя.

Рот Агнес раскрылся от шока. Прошло несколько секунд, прежде чем она собралась с силами и отступила на шаг от великана: - Тогда тебе следует поискать кого-нибудь другого, ведь я не буду твоей женой.

Болстер уставился в облака, обдумывая следующий ход в этой смертельной игре: - Я так и думал, что ты это скажешь. Но если ты хочешь, чтобы я оставил жителей деревни в покое, ты согласишься стать моей женой. Я дам тебе время всё обдумать. Не каждый день женщина получает такое предложение.

Прежде чем Агнес успела ответить, великан уже начал удаляться. Агнес подобрала юбки и побежала в таверну, распахнув двери и высматривая своего дедушку. Он ошеломлённо слушал, как она рассказывала о том, что произошло. Другие жители деревни пришли посмотреть, в чём дело, отчаяние и беспокойство исказили их лица.

- Теперь он зашёл слишком далеко, - проворчал Джордж, сердито отхлёбывая из своей кружки. - Может быть, это просто шутка. Не путайся у него под ногами, малышка Агнес, он и позабудет о тебе.

Агнес медленно кивнула, но в её голове укоренились другие мысли.

В ту ночь никому не спалось спокойно. Лица выглядывали из окон при каждом ударе и скрипе ветра, который кружился вокруг дверей и окон и задувал в

дымоходы. Агнес расхаживала по гостиной, пока у неё не заболели ноги. Она надеялась, что её дедушка был прав и этот Болстер всего лишь насмехался над ней. Но в глубине души она знала, что он вернётся.

За ночь ветер стих, приветствуя тёплый день с голубейшим небом и ярчайшим солнцем. Агнес выбежала из дома пораньше, чтобы сходить за продуктами, её глаза и уши напряжённо искали какие-либо признаки её потенциального поклонника... Но повсюду безраздельно царили мир и покой.

Ближе к вечеру того же дня Агнес усердно трудилась, ухаживая за грядкой с овощами в саду своего деда, когда земля начала пульсировать и вибрировать.

- О нет! - вскрикнула она, вскакивая на ноги и вбегая обратно в дом. Она заперла двери и окна на засовы, спрятавшись в углу гостиной. Шаги Болстера прогремели по деревне, его глубокий и рокочущий голос звал её по имени. Она прижала руки к ушам, громко напевая, чтобы заглушить голос великана, но всё равно услышала его.

Час спустя Болстер перестал звать её по имени, но она знала, что он остался в деревне, потому что не слышала звука его удаляющихся шагов. Она подкралась к окну и как раз в тот момент, когда протянула руку, чтобы отдёрнуть занавеску, внезапную тишину разорвал испуганный крик мужчины.

Всё существо Агнес затопил гнев, и она бросилась к двери, распахнула её и выбежала наружу. Там, в центре деревенской площади, стоял Болстер, лицо его было краснее, чем миска со свёклой. В руке его болтался источник крика.

- Немедленно опустите его! - закричала Агнес.

Болстер приподнял бровь: - Ты знаешь, что должна сделать.

- Мне нужно больше времени. Это важное решение, которое нужно принять, - умоляла Агнес, хотя желудок её сжимался от этого.

- Так-то лучше, - ответил Болстер, бросая мужчину в уютную тележку с сеном.

- Но ты больше никому не причинишь вреда. Ты должен пообещать.

Болстер прикусил губу, его отвратительные зелёные зубы блеснули на солнце:

- Согласен, - сказал Болстер. - Но я хочу, чтобы ты ответила скоро.

Агнес кивнула и опустила взгляд, надеясь, что Болстер оставит её в покое.

- Из тебя выйдет красивая невеста.

Агнес поёжилась, но стояла твёрдо. Наконец, Болстер ушёл обратно в своё логово на вершине утёса. Он оглядел свой неуютный дом, представляя, как он будет выглядеть, когда сюда переедет Агнес и сработает волшебство её прикосновения. Он ни на миг не выпускал её из виду. Следующие несколько дней прошли по тому же сценарию. Болстер ходил в деревню и кричал, чтобы Агнес вышла на улицу. Каждый день он требовал ответа, его обветренные щёки надувались от разочарования и ярости.

- Я больше не буду ждать, - взревел он, ударив правым кулаком вниз и разбив повозку.

- Ещё один день, - уговаривала Агнес. - Я обещаю.

Успокоенный, Болстер вернулся к себе, бормоча и вздыхая всю дорогу до дома.

- Тебе придётся бежать, - сказал ей дедушка. - Я не могу так поступить. Он будет причинять всем вам горе, пока я не вернусь. - Тогда что мы можем сделать? - У меня есть идея, - улыбнулась она.

Когда Болстер вернулся за ответом, он обнаружил, что Агнес ждёт его. Её лицо выглядело суровым и несчастным, и сердце великана дрогнуло в груди: - У тебя есть ответ, или мне сломать что-нибудь... или кого-нибудь? - Мне нужны доказательства, - тихо сказала она. - Доказательства? Какие доказательства? - Мне нужны доказательства того, что я действительно тебе небезразлична.

Болстер нахмурился: - Но я каждый день говорю тебе, что хочу, чтобы ты стала моей женой. Почему этого недостаточно? - Женщина должна знать, что она - всё и даже больше для мужчины, который хочет жениться на ней. Как я могу быть уверена, что ты хочешь только меня? Как я могу быть уверена, что на побережье нет сотни других девушек, на которых ты хотел бы жениться?

Болстер протяжно и громко выдохнул, его зловонное дыхание коснулось её лица. Она подавила желание повернуть голову и проглотила подступившую к горлу тошноту.

- Боже правый, что за женщина! Как я могу доказать это?

Агнес посмотрела на него сквозь ресницы: - Способ есть, но лишь по-настоящему храбрый мужчина может принять этот вызов.

- Я обладаю храбростью десятка великанов и тысячи мужчин, - сказал он, гордо выпятив свою огромную грудь.

- Тогда следуй за мной.

Они составляли странную пару: крошечная женщина шла впереди, в то время как мужчина-гигант изо всех сил старался ступать как можно легче. Он последовал за ней по вершинам скал в направлении, противоположном его дому, к Порт-Чэпел. Здесь волны вздымались и переворачивались, словно табун диких лошадей разбивался о берег внизу.

- Вот мы и на месте, - сказала она с ноткой торжества в голосе.

- Что здесь происходит? - спросил Болстер, почёсывая свою жирную голову.

- Видишь вон ту дыру внизу, похожую на котлован?

Болстер выглянул из-за скал и увидел тёмную пропасть внизу: - И что с того?

Агнес медленно улыбнулась: - Легенда гласит, что мужчина, который по-настоящему любит женщину, наполнит эту чашу своей кровью.

- Кровь? - переспросил Болстер, чувствуя тошноту от этой мысли.

- А что? Ты ведь не боишься, не так ли? У такого гиганта, как ты, не должно возникнуть никаких трудностей, верно? - Конечно, нет! Я наполню твою чашу, а потом мы поженимся. - Верно.

Агнес наблюдала, как великан спускается по крутой тропинке в скале. Он тяжело опустился на край чаши и протянул руку. Впервые за всё время Болстер почувствовал то, что, как он предположил, должно быть страхом. Язык казался ему толстым, как матрас, и пыльным, как камин. Он оглянулся на вершину утёса, где, наблюдая за ним, стояла крошечная фигурка Агнес, её юбки развевались позади неё в лёгком морском ветерке.

- Я могу это сделать. Это совсем немного, - сказал он, доставая из-за пояса нож. Он вонзил лезвие себе в кожу, морщась от боли, и побледнел, увидев, как кровь хлынула из его вен.

Дыра начала заполняться, мутная, вязкая жидкость пульсировала под ним. Победа была не за горами, и он позволил себе на мгновение подумать о дне своей свадьбы. Как позавидовали бы ему друзья, увидев его хорошенькую маленькую жену! Как бы они поздравили его с таким достойным приобретением! И как только они поженятся, ничто не помешает ему приступить к своему любимому занятию - играть с жителями деревни.

Он снова обратил своё внимание на отверстие, ожидая увидеть, что оно заполнено. Но крови было далеко до верха. Он истекал кровью уже час, но отверстие всё ещё было заполнено лишь наполовину. Раздражённый, он вонзил нож немного глубже, громко кряхтя от усилия. Кровь теперь текла быстрее, и

Болстер почувствовал слабость. Он опустил голову и закрыл глаза, уверенный, что чаша скоро наполнится.

Но он продолжал истекать кровью, а дыра так и не заполнилась.

Агнес наблюдала за происходящим с вершины утёса. Далеко под отверстием непрерывный поток кроваво-красной жидкости просачивался из отверстия вниз по утёсу, встречаясь с пенящимся внизу морем. Теперь оставалось недолго. Она подождала ещё час, лениво сплетая гирлянду из маргариток и мысленно сочиняя стихотворение. Она снова посмотрела на скалу, где Болстер лежал неподвижно, как камень.

- Болстер! Ты меня слышишь?

Болстер не пошевелился и не издал ни звука. Кровавая река медленно текла по своему пути к морю. Агнес выкрикнула его имя ещё раз, просто для верности…

Когда она вернулась некоторое время спустя, в деревне был переполох.

- Мы думали, он забрал тебя! Мы искали тебя, - всхлипнул её дедушка. - Где ты была?

Агнес рассказала о событиях того дня, и глаза её деда на его усталом лице стали огромными, как блюдца: - Чаша в Чэпел-Порт?! Но ведь все знают, что она бездонная и стекает в море!

Агнес усмехнулась: - Ну, предположим, не все...

Когда жители деревни пошли по тропинке к Чэпел-Порт, они нашли тело Болстера обмякшим и обескровленным. С усилием они столкнули тело в море, наблюдая, как свирепые воды уносят их мучителя далеко-далеко.

Мир и спокойствие вернулись в деревню. Она была переименована в честь смелой Агнес несколько лет спустя. Так появилась деревня Сент-Агнес. И если какой-нибудь зоркий наблюдатель присмотрится достаточно внимательно, он увидит красноватый оттенок, сохранившийся на скалах, - последний след Болстера-великана.

Рут Мэннинг-Сандерс

Трегигл

Давным-давно жил-был несправедливый управляющий по имени Трегигл, разбогатевший на чужих деньгах. Он совершил так много дурных дел, что целая книга не вместила бы рассказов о них. Но в конце концов и он должен был

умереть, как все остальные, и никто не жалел о том, что его благополучно схоронили. Жил-был богатый хозяин, который нанял Трегигла, чтобы тот собирал для него арендную плату, и вот этот хозяин после смерти управляющего заявляет, что один из его арендаторов уже много лет должен ему деньги. Жилец сказал, что заплатил деньги Трегиглу, но не смог этого доказать, поскольку Трегигл не дал ему расписки. Итак, домовладелец и арендатор обратились в суд, и адвокаты с обеих сторон долго спорили о том, были ли уплачены деньги, пока, наконец, не было решено, что дело будет рассмотрено судьёй и присяжными. Итак, все собрались в зале суда: судья в парике и мантии, адвокаты в париках и мантиях, присяжные на своей скамье. Но если один человек говорит, что заплатил деньги, а другой, что не получал их, как могут судьи, адвокаты или присяжные решить, кто прав, а кто нет? Арендатор настаивал на том, что он заплатил деньги Трегиглу, и повторял это снова и снова, пока хозяин не потерял терпение и не вскочил и не закричал: - Ну, если Трегигл получил деньги, я бы хотел, чтобы Трегигл пришёл и сказал об этом! Едва эти слова слетели с его губ, как пол расступился, и в суде появился Трегигл, закутанный в саван и покрытый землёй. Кто-то закричал, кто-то упал в обморок, кто-то выбежал вон. Присяжные соскочили со скамьи и бросились бежать, адвокаты закрыли лица руками, хозяин и арендатор вздрогнули и застонали, судья задрожал, схватился за подлокотники кресла и прошептал: - Трегигл, во имя Неба, скажи нам истину! - Я больше не могу лжесвидетельствовать, - сказал призрак голосом, который эхом разнёсся по двору, как эхо волн в пещере. - Мне заплатили деньги, а я их потратил. Теперь никакого дела не существовало. Деньги исчезли, и на том всё закончилось. Судья поспешно закрыл дело, затем встал и, подобрав свою мантию, словно его единственной мыслью было как можно скорее покинуть зал суда, приказал Трегиглу удалиться туда, куда он пришёл. Трегигл не двигался. - Изыди! Прочь! - сказал судья. - Дело закрыто. Трегигл по-прежнему не двигался. Адвокаты удалились, хозяин и арендатор ушли. В зале не было никого, кроме судьи, стоявшего на возвышении, и Трегигла, неподвижного, словно статуя, стоявшего под ним. Судья снова заговорил, затем, поскольку Трегигл по-прежнему не двигался, судья взял свои бумаги и поспешил прочь из зала суда. На следующий день Трегигл всё ещё стоял на том же месте. Он стоял там день за днём, и неделя за неделей, потому что по всему зданию суда, и в земле под зданием суда, и в воздухе над ним демоны ждали, чтобы схватить эту порочную душу и утащить его в ад, как только он покинет место, куда его призвали. Демоны кричали, стучали в двери, грохотали под полом, свистели над крышей и так пугали всех в городе, что люди не смели высунуть нос из своих домов, и все дела были приостановлены. В то время в Корнуолле было великое множество святых; а так как невозможно быть святым, не будучи храбрым, святые нисколько не боялись демонов. Поэтому, когда эти святые услышали о

бедственном положении горожан, они всей толпой вышли из своих часовен и келий и прошли мимо толпы демонов, как будто демоны эти были не более чем надоедливые, шумные коты. Святые вошли во двор, окружили Трегигла кругом из света и повели его через город к высоким вересковым пустошам. Демоны последовали за ними, воя от ярости, но не осмеливались войти в круг света, так что они не могли добраться до Трегигла. Высоко на вересковых пустошах был глубокий тёмный пруд, называемый Досмери, и к берегу этого пруда святые привели Трегигла, и там они остановились. - Мы дадим тебе задание, Трегигл, - сказал святой Пров, который говорил от имени всех святых. - Этот пруд бездонный, и твоя задача - вычерпать его воду разбитой раковиной морского блюдечка. Пока ты упорно трудишься, демоны не могут прикоснуться к тебе, но если ты остановишься на мгновение, они схватят тебя и утащат в ад. Непрестанный труд - это твоё покаяние за все грехи, которые ты совершил в своей жизни. Но через века, когда наступит конец света, твоё покаяние закончится, и ты сможешь упокоиться с миром. Затем он вложил разбитую раковину моллюска в руку Трегигла. Святые удалились, Трегигл приступил к делу, демоны ждали у бассейна. День за днём, в темноте и при свете, в бурю и при свете солнца, Трегигл черпал воду. Вода же, когда он поднимал её в своей раковине, стекала обратно в пруд через отверстие в дне раковины, и ни на одну каплю вода в бассейне не уменьшалась. Демоны сбились в кучу, ухмылялись ему в лицо и глумились над ним. Трегигл ёжился и стонал, но продолжал вычёрпывать воду. Затем демоны высушили воздух, и из земли поднялся обжигающий пар, окутав Трегигла, так что он терял сознание от жара, но всё равно продолжал черпать. Тогда демоны вызвали чёрные дождевые тучи, и дождевые тучи стояли над прудом и с громким рёвом изливались, и дождь стучал по голове Трегигла безостановочно сорок дней и сорок ночей, но он всё ещё продолжал черпать. Затем демоны вызвали гром, молнию, град, землетрясение и сильный шторм ветра; огненные шары с шипением падали в бассейн, земля вздыбилась под ногами Трегигла, вода в бассейне вскипела и забурлила, молнии обвились вокруг него, как огненные змеи, градины величиной с грецкий орех били его по спине. Трегигл кричал и визжал, но продолжал черпать. Затем земля разверзлась, и из неё поднялись легионы новых демонов, только что вышедших из ада. Трегигл больше не мог этого выносить. Он отбросил раковину и убежал. Он бежал по вересковым пустошам, а демоны бежали за ним по пятам. Он пробежал половину Корнуолла, а гром гремел, град сыпался на землю, и молнии раскалывали тучи. В одно мгновение сцену погони озарил яркий свет - искажённое мукой лицо Трегигла, отвратительные лица демонов, их вытянутые конечности, их длинные тени — в следующее мгновение всё исчезло, и лишь крики Трегигла и насмешки и смех его преследователей указывали направление погони. В ту ночь в часовне на высокой скале посреди унылого пустыря молился отшельник. Трегигл увидел свет, льющийся из окна

часовни, и бросился к нему. Здесь было убежище, если бы он только мог добраться до него! Одним прыжком он вскарабкался на скалу и просунул голову в окно. Но окно было слишком маленьким, он не мог пролезть в него, и демоны хватали его за ноги, тянули и тянули. Трегигл вцепился в оконные решётки и заревел от боли, потому что, хотя его голова была в безопасности, когти демонов впились в его ноги, как раскалённые докрасна клешни. Отшельник поднял голову, увидел грозное лицо, смотревшее на него сверху вниз, и стал молиться громче. День за днём отшельник молился, не переставая, а Трегигл выл и корчился, а демоны дёргались, царапались и наполняли воздух своими криками. Отшельник не мог ни есть, ни спать, он умирал. Что было делать?! Святые услышали об этом и явились снова, и святость, исходившая от них, была так сильна, что демоны выпустили ноги Трегигла и с воплями упали. Святые увели Трегигла далеко на северное побережье Корнуолла и дали ему новое задание. Они посадили его на песчаную отмель в устье реки и велели сделать из песка путы и связать их верёвками. Трегигл собирал песок в связки, но море смывало их; он пытался изготовить верёвки, но песок вываливался у него из пальцев. И поскольку он не мог выполнить свою задачу, он начал выть и неистовствовать. А прямо за песчаной отмелью был рыбацкий городок, и вой Трегигла был таким громким, что никто в городе не мог уснуть. День и ночь продолжался вой, пока, наконец, все люди не разбежались. Они пошли к доброму святому Петроку, который жил неподалёку, и попросили его удалить Трегигла. Добрый святой Петрок сжалился над ними. Он выковал крепкую цепь, каждое звено которой было молитвой, и этой цепью он связал Трегигла и увёл его в песчаную бухту на южном побережье Корнуолла. - Трегигл, - сказал он, - я даю тебе ещё одно задание. Возьми этот мешок, наполни его песком и отнеси в соседнюю бухту. Опустоши его, вернись и наполни снова, и продолжай, пока залив, в котором мы стоим, не очистится от песка до самых скал. Пока ты упорно трудишься, демоны не могут прикоснуться к тебе. Итак, трудись не покладая рук, веками, веками, и когда наступит конец света и твоё задание будет выполнено, почий с миром! Добрый святой Петрок вложил мешок в руки Трегигла, и ушёл. Трегигл приступил к делу, и демоны столпились вокруг него, наблюдая и насмехаясь над ним. Он зачёрпывал песок, пока мешок не наполнился, взвалил мешок себе на спину и пошёл по волнам вокруг мыса к следующей бухте; там он вытряхнул песок и побрёл обратно. Но, прежде чем Трегигл добрался до первой бухты, песок возвратился в неё, потому что прилив подхватил его и смыл песок вокруг мыса туда, откуда он появился. И когда это случалось раз за разом, Трегигл понимал, что его задача бесконечна и безнадёжна, и снова начинал выть и визжать. Он выл так долго и так громко, что его слышали на много миль вокруг, и ни для кого не было ни отдыха, ни покоя. Тогда народ послал гонцов ко всем окрестным святым, умоляя их, чтобы те избавили их от воя Трегигла, и святой Эрт, и святой Иларий, и святой Лугдван

пришли и связали Трегигла заклинательными молитвами и повели его на Край Земли. Они вложили ему в руку метлу и велели подметать песок вокруг могучих утёсов от бухты на юге до бухты на севере. И там, пока великаны, обитающие в замках на утёсах, с изумлением наблюдают за ним, и ведьмы кружатся на ветру над его головой, и демоны шумят вокруг него, собираясь напасть, Трегигл всё подметает, подметает и подметает. Но песок всегда летит обратно к его метле, и потому подметает он и по сей день. Иногда тёмными ночами, когда бушуют бури, в отчаянии он бросает метлу и убегает. Потом начинается охота, и, завывая от ужаса, по всему Корнуоллу бежит и петляет, разворачивается и кружится Трегигл, а за ним по пятам бегут вопящие демоны. В такие ночи мудрые люди задёргивают шторы, зажигают свет, подбрасывают дрова в огонь и остаются дома. Потому как никудышнее дело оказаться на улице во тьме, когда крики Трегигла слышатся сквозь ветер, и завывания его заглушают шум моря.

Доминик Короллёр

Бугуль-Ноз в ночь на Хэллоуин в Бретани

Несмотря на отвратительный внешний вид, Бугуль-Ноз по природе своей был доброжелательным. Он путешествовал по лесистым местностям своей родной Бретани. Иногда его называли "ночным пастырем" за то, что он ухаживал за лесными животными. Странно, но в эту холодную и жуткую ночь с 31 октября на Хэллоуин он чувствовал себя в безопасности. Это была ночь; и, по сути, единственная ночь, во время которой он мог показаться на людях. Он легко скользил среди толпы людей, участвовавших в эту ночь в маскарадах на Хэллоуин - старый кельтский Новый год. Одевшись в гротескные костюмы, они боролись друг с другом за звание самого страшного с помощью искусственной крови, клыков, крашеных волос, грима, масок и саванов. Самое странное, жуткое и ужасное зрелище вызовет всеобщее восхищение. Да, то была ночь, когда Бугуль-Ноз со своей природной внешностью мог чувствовать себя комфортно. Потому что люди, которых он встречал, не знали, что уродство этого существа было вполне естественным. Чтобы напугать людей, Бугуль-Ноз не нуждался в костюме и гриме. Дойдя до конца деревни, Бугуль-Ноз вдохнул холодный зябкий воздух. Туман кружился прямо над землёй, образуя серый бархатный ковёр. Такой идеальный осенний бретонский вечер, полный магии и тайны, которыми был напитан воздух его страны с кельтскими корнями. "Бретань", - подумал он и вздохнул с наслаждением. Гордая, стоящая особняком, уникальная и, несмотря на старания многих за долгие годы, она сохранила независимость души и духа. Бугуль-Ноз не мог жить за пределами своей дорогой Бретани, ибо на нём лежало заклятие бродить по этой земле, не показывая своего лица. Несмотря на то, что бретонские соотечественники находили его внешность кошмарной, он, тем не

менее, был одним из них. Бугуль-Ноз чувствовал себя таким же старым, как земля, по которой он ходил. Некоторые деревья в древних лесах, в которых он жил, напоминали ему о молодых кустарниках, которые росли в течение многих лет. Было ли время, когда он не чувствовал себя одиноким? Если такое и бывало, то он не помнит. Иногда он встречал Анку. Высокий, одетый в длинное тёмное пальто, в широкой шляпе и с косой на плече, костлявый Анку был в Бретани сборщиком душ умерших. Они приветствовали друг друга, но Анку всегда бывал очень занят, несмотря на наличие двух подмастерьев-скелетов, которые помогали ему загружать души мёртвых в трясущуюся тележку, запряжённую чёрными лошадьми.Бугуль-Ноз был последним в своём роду. Сказочный дух, отныне обречённый на независимое существование. Понимая, насколько он безобразен в глазах людей, Бугуль-Ноз принимал все меры, чтобы избегать их. Нежный и заботливый Бугуль-Ноз никого не хотел шокировать. Иногда, мимоходом, ему случалось услышать смех или почувствовать человеческое присутствие. Хотя он умирал от желания встретиться с людьми и поговорить с ними, но знал, что это невозможно. Чтобы сохранить свой вид в тайне от них, он шумел - громко и достаточно страшно для того, чтобы они убегали. Людям была известна история Бугуль-Ноза, но очень немногие видели его и желали бы повстречаться с ним. Но этот вечер был другим. Из леса он прошёл в деревню. Группы людей, одетых в свои ужасные костюмы, шли рядом, не оглядываясь на него. Но некоторые, разглядывая их, не оставались равнодушными, смеялись и поздравляли его с тем, что он выдумал такой жуткий костюм к Хэллоуину. Он был бы безумно рад отдать им свой облик и поделиться с ними чем-то, чего он никогда обычно не делал, непосредственно общаясь с человеком. О да, - Хэллоуин был таким особенным, потому что в кельтской культуре он знаменует конец года и начало нового. Это была ночь, когда завеса между живыми и мёртвыми является наиболее тонкой.Люди мужественно осознали, что они разделяют свой мир с этими существами, душами умерших и запредельным миром, которые обычно не видны. С момента своего появления среди кельтских народов Северо-Западной Европы празднование Хэллоуина, кажется, стало теперь феноменом мирового значения. Прогуливаясь по деревенским улицам, испытывая гордость по этому поводу и с открытой душой, Бугуль-Ноз вернулся в лес. Проходя вдоль деревьев, он услышал чьё-то пение. Он остановился, испытывая подспудное желание убежать в лес и спрятаться. Он внимательно вслушивался, и этот голос был настолько мягким, ясным и красивым, что он почти позавидовал его обладательнице. Бугуль-Ноз решил не скрываться, потому что, в конце концов, ещё продолжался Хэллоуин, и его шокирующий внешний вид мог сойти за один из отвратительных костюмов. Мелькая в туманной ночи, она шла к нему по тропинке. Приблизившись к ней, он понял, что она очень красива. Её лицо, обрамлённое длинными каштановыми волосами цвета заходящего солнца, было бледным, как зимняя луна... Притворяясь, что не

замечает всего этого, Бугуль-Ноз мягко заговорил с нею, чтобы не испугать её. - Добрый вечер, у вас в самом деле очаровательный голос! - он увидел, что, несмотря на все его усилия, она подскочила от изумления. Её глаза распахнулись, раскрыв свой глубокий кельтский синий цвет. - Извините, что застал вас врасплох, я не хотел... Успокоенная добротой, звучавшей в его голосе, она ответила:- О, ничего страшного! Я замечталась. Вы, должно быть, думаете, что я сумасшедшая, раз брожу здесь и распеваю сама себе посреди ночи. Я просто возвращаюсь домой с хэллоуинской вечеринки; вероятно, я выпила слишком много, - она рассмеялась.- Ваше пение приятно, вы не должны хранить его в секрете. В любом случае, я рад, что мне удалось его услышать, - проговорил он.- Это мило с вашей стороны! - весело произнесла она и сделала в его сторону лёгкий театральный поклон. - Далеко вам идти? Я пойду с вами, если хотите, - сказал Бугуль-Ноз. - Нет, не очень, но ваше общество мне будет приятно. Они шли по дорожке бок о бок. Она поговорила с ним и посмеялась, поделилась с ним своей любовью к природе и рассказала, как ей нравится жить в своём маленьком доме на краю леса. Бугуль-Ноз сообщил ей, что тоже обожает деревню и лесные деревья. Хотя шли они всего лишь около двадцати минут, ему было трудно вспомнить, беседовал ли он с кем-либо раньше. Он не считал свои кратких встреч и разговоров с загруженным и мрачным Анку. В конце концов они дошли до порога её дома. Она ни разу не упомянула о его внешности и никак не прокомментировала безобразие его костюма на Хэллоуин. - Вы, кажется, совершенно не боитесь темноты, - сказал он, - и я рад, что моя внешность не внушает вам отвращения. Именно в тот момент, когда она обернулась, чтобы пожелать ему спокойной ночи, он заметил, что её глаза не могут встретиться с его взглядом и что она просто поворачивается к нему на звук его голоса. Когда её рука пыталась дотянуться до ручки двери и нащупать её, он понял, что она слепа. - Действительно, - сказала она, - темнота для меня обычное дело, и днём, и ночью, и я отлично знаю дорогу домой. А что до вашей внешности, - пожала она плечами, - всё равно я вас не вижу. Вы могли бы быть хоть самим Бугуль-Нозом, - что мне до того! - Бугуль-Ноз! Ну так вы правы, это я и есть, - удивлённо произнёс он. Рассмеявшись в ответ на эту шутку, она сказала:- Спасибо, что были так любезны и проводили меня до дома, Бугуль-Ноз, и счастливого Хэллоуина! Она помахала ему рукой на прощанье и закрыла дверь своего домика.Бугуль-Ноз вернулся в лес, прыгая с ножки на ножку и с улыбкой на лице. Он и в самом деле счастливо провёл Хэллоуин.

Анку: кельтский Хэллоуин

Ночные торжества Кала-Гоанв (кельтского праздника Хэллоуин) были радостными. Моржен, жившая неподалёку от Бель-Иль-ан-Тэр в Бретани, хотела подышать свежим воздухом и воспользовалась возможностью, чтобы в эту холодную осеннюю ночь вернуться домой пешком. Весь вечер рекой лилось вино,

и все прониклись духом праздника, все были одеты в самые кричащие и мрачные костюмы в честь Хэллоуина. Пробила полночь, и все собрались вокруг тлеющего костра, внимательно слушая рассказы о призраках, одновременно пугающие и забавные. Это был традиционный способ празднования Кала-Гоанв, основанный, как полагается, на потустороннем и сверхъестественном. Моржен обожала Хэллоуин; волшебная и особенная атмосфера этой светлой ночи дарила ей ощущение сближения с её бретонскими предками и её кельтской идентичностью.Пятеро, в том числе Моржен, покинули пирушку около часа ночи. Все они жили в одной стороне и разошлись, чтобы вернуться в свои дома. Чуть позже Моржен оказалась совсем одна. Она завернулась в плащ, чтобы защититься от холода, и пошла по тропинке, ведущей к её дому возле леса. Мысли Моржен вскоре прервал громкий хруст сломанной ветки, доносившийся из леса справа от неё. Это заставило её вздрогнуть на мгновение, но она проигнорировала шум, поскольку он, вероятно, исходил от одного из множества обитающих там животных. Тем не менее, она ожидала звука ещё одной сломанной ветки… но на этот раз за ним последовали чёткие звуки шагов по земле, покрытой опавшими осенними листьями. Моржен ускорила шаг, сосредоточившись на том, чтобы идти прямо вперёд, и тут она увидела, что кто-то вышел из леса в нескольких метрах от неё. Высокая, стройная фигура в чёрном с длинными белыми волосами, прикрытыми большой шляпой с полями. За плечами он нёс косу. Моржен сразу же узнала это существо, и им мог быть только Анку, знаменитый «собиратель душ» из бретонских мифов. Она с облегчением вздохнула, так как во время праздника многие нарядились в костюмы Анку. Она сразу подумала, что кто-нибудь из её знакомых хочет её напугать. Но она не поддалась:- Очень смешно! - крикнула она в сторону существа, решившего повернуться. Моржен без колебаний подошла к человеку и была изумлена его ростом. Она крепко похлопала его по плечу, ожидая, что сейчас кто-то из её друзей обернётся, разразившись смехом. Моржен почувствовала нечто подозрительное, схватившись за плечо человека, которое было костлявым и холодным под его чёрным пыльным плащом. Человек медленно повернул голову, чтобы взглянуть ей в лицо. Моржен от потрясения сползла на колени, обнаружив, что голова, нависшая над ней, была черепом скелета.После этого всё на миг заледенело. Голова Анку, повёрнутая к ней, покачивалась слева направо. Затем он развернулся, чтобы уйти, и очевидно, что в мыслях Моржен это означало: «Это не твой час, Моржен, - пока нет!» Моржен оставалась на коленях долгое время после того, как увидела, что Анку своей костлявой рукой тащит из-за деревьев чёрного коня, впряжённого в телегу. Все бретонцы знают, что Анку использует эту телегу, чтобы перевозить покойников к месту назначения в ином мире. Моржен ни с кем не поделилась своим опытом в эту хэллоуинскую ночь, но ей пришлось жить с вечным страхом перед предстоящей встречей с Анку, чьи последние слова «Пока нет, Моржен!»

остались в её памяти.

Моник Паломарес

Два горбуна и корриганы

Пьерриг и Янниг – это имена двух портных, как они пишутся по-бретонски. Окончание «-ig» является уменьшительным, поэтому эти имена могут переводиться как «Маленький Пьер» и «Маленький Жан». Интересно отметить, что на бретонском языке карликов называют корриганами. Слово это происходит от «korrig» («маленький карлик»). Они бывают добрыми, также могут быть игривыми, но иногда они озорные или злые. * * * В городе было двое портных: одного звали Пьерриг, другого - Янниг. Оба страдали от одного и того же недуга: оба были горбаты. Пьерриг был весёлым и бодрым, Янниг - сварливым и скупым. Оба с удовольствием занимались своим ремеслом и были столь искусны, что люди из всех окрестных городов заказывали платье у них. Однажды, на обратном пути от заказчика нового костюма из другой деревни, Пьерриг решил сделать крюк через болото. Он так устал, что улёгся под деревом и уснул. Когда он проснулся, наступила ночь, луна стояла высоко в небе, и он услышал пение. Он выглянул из-за дерева и увидел, что хоровод корриганов радостно танцует на болотах.Пьерриг знал, что малый народец может быть и дружелюбным, и озорным, никогда не угадаешь. Поэтому он шагнул назад, думая возвратиться домой, и наступил на сухую ветку. Раздался треск! Корриганы остановились, направились прямо к Пьерригу и сказали: «Потанцуй с нами!» Они взяли его за руку, чтобы он присоединился к их танцу.Они продолжали танцевать, напевая одну и ту же короткую песенку: «Понедельник, вторник, среда». Они всё пели и пели, танцевали и танцевали... Пьерриг был так измотан! Поэтому он остановился и сказал: - Ваша песня очень коротка! - Ну, так это и есть вся песня, - ответили они. - Почему бы вам не сделать её длиннее? - спросил Пьерриг и запел: «Понедельник, вторник, среда, и четверг, и пятница!» - О, теперь наша песня стала намного красивее, - сказали они, и продолжили танцевать и петь свою новую песню. Перед рассветом самый старый корриган остановил танец и спросил: - Что мы дадим Пьерригу за то, что он сделал нашу песню красивее и длиннее?- Мы можем дать ему мешок золота, а можем и горб его убрать. - Хорошо, если вы сможете убрать мой горб, я буду очень рад! - сказал Пьерриг. Корриганы схватили Пьеррига, три раза подбросили его в воздух, передали от одного к другому, а затем уронили его на землю. Пьерриг несколько удивился, но, когда он поднялся с земли, его горб исчез. Корриганы тоже исчезли. Он вернулся домой, чувствуя себя легкомысленным и счастливым. На следующий день Пьерриг встретил Яннига, который спросил: - Что это приключилось с тобой? Я едва тебя признал. Теперь ты и ростом стал повыше, и этаким

красавчиком заделался! Пьерриг рассказал ему о том, что сотворили корриганы. Янниг подумал: «До чего ж он глуп! Уж я-то не отказался бы от мешка золота! Вот я тоже пойду на болота!»И той же ночью направился он к болотам. Корриганы танцевали и пели свою новую песню: «Понедельник, вторник, среда, и четверг, и пятница!» Янниг выскочил из-за дерева со словами: - Эй, а вот и я! Корриганы замерли и позвали его: - Иди, потанцуй-ка с нами! Янниг присоединился к танцу. Через некоторое время он сказал: - Ваша песня слишком коротка. И запел: - Понедельник, вторник, среда, четверг и пятница, а ещё суббота и воскресенье! Корриганы нахмурились: - О, это звучит нехорошо, тут никакого складу! Он испортил нашу прекрасную песню! Но самый старый корриган, который был также самым мудрым, сказал: - Это ничего не значит; мы попросили Пьеррига выбрать между золотом и красотой за то, что он сделал нашу песню длиннее; и попросим Яннига о том же! - В самом деле? - В самом деле! - Итак, я выберу то, что оставил Пьерриг! Корриганы подхватили Яннига, трижды подняли его в воздух, передали от одного к другому и уронили его на землю. Он был немного удивлён, но, когда он поднялся, у него было два горба: его собственный - и тот, что оставил Пьерриг!

София Моррисон

Мэнский волшебный поросёнок по имени Семь

Когда-то на холмах за Колби жил-поживал маленький волшебный поросёнок со своей матерью и шестью братьями. Звали его Шьяхт, что по-мэнски значит «Семь», а братьев его звали Нэн, Джис, Три, Кьяр, Куэг и Шей (что означает «Один», «Два», «Три», «Четыре», «Пять» и «Шесть»), но среди них всех Семь был самым подвижным поросёнком. Как только он подрос, мать научила его волшебству, а также тому, как закручивать хвостик, шевелить ушами и не наступать на клевер. - Береги ноги, чтобы не поскользнуться, - сказала она, - завивай хвост слева направо и помни, что ты - одна из Семи Волшебных Свиней Юга. - Хрю! Хрю! - сказал поросёнок, что на свином языке означало: "Да-да!" В те дни свиньи были удивительно умны, потому что, едва взглянув на вас, они начинали говорить по-мэнски, становились то большими, то маленькими, как баррульский баггейн; а он был могущественным существом. Все семеро братьев были белыми с красными глазками и алыми ушками, аккуратными и вкусными, вы просто не поверите! Маленький Семь хотел знать обо всём, и если он не мог выяснить что-то одним способом, то пробовал другой. - В один прекрасный день ты на себя накличешь беду, - сказала мать, имея в виду, что он может попасть в неприятности, - тебе отрежут нос, если ты будешь совать его в чужие дела. - Хрю! Хрю! - сказал маленький белый поросёнок, фыркая и принюхиваясь, чтобы убедиться, что его нос всё ещё на месте. ”Взрослые всего не знают, - сказал он

себе, - свинка должна поглядеть на белый свет, прежде чем составить мнение о том, что есть в этом мире!”
И вот однажды он отправился один посмотреть, так ли велик мир, как он думал. Не успел он уйти далеко, как встретил старуху, собиравшую хворост. - Хрю! Хрю! - сказал белый поросёнок. - Yee bannee mee! - сказала старуха (что значит "Благослови меня Боже!") - Что это было, чёрт побери?
Она обернулась и увидела, что белый поросёнок ест клевер. - Что это ты там делаешь, малыш? - сказала она. - Такая умненькая свинка, как ты, должна жить в свинарнике. - А что такое свинарник? - спросил поросёнок. - Ах, какой замечательный дом этот свинарник! - сказала старуха. - Там только и дела, что ешь да пей, и обихаживать тебя станут с ног до головы. - Где же твой дом? - спросил поросёнок. - Вниз по переулку, - сказала старуха, - пойдем со мной, мне довольно одиноко, я всё тебе покажу. - Хрю! Хрю! - сказал поросёнок и пошёл вслед за старухой, думая о том, что это за восхитительное место.
Вернувшись домой, она закрыла его в свинарнике и заперла калитку. - Оставайся там, барчук, - сказала она, - ты заблудишься, бродя по дорогам. "Совсем не о таком месте мечтал я," - сказал себе поросёнок. - Открой ворота, бабушка, и выпусти меня! - Вот так прямо и выпустила я тебя, - сказала старуха. - на всём Острове ты не найдёшь ни одного свинарника лучше, чем этот. Погоди, я принесу тебе тазик с кормом. - И она ушла.
Семь сел и почесал своё правое ухо левой задней ногой, а затем левое ухо правой задней ногой. Но лучше не стало. “Ну и попался же ты, малыш Семь, - сказал он. - хитрая старушка всё продумала.” Через некоторое время старуха вернулась с тазиком еды и картофельными очистками. - Вот тебе королевский обед, барчук, - сказала она. - Там, где ты живёшь, тебе не найти лучших очисток. - Хрю! Хрю! - сказал поросёнок, обнюхивая тазик. - Я так не считаю. Вот пучок клевера и миска со сметаной пришлись бы мне по вкусу. - Кто сам не зарабатывает себе на корм, должен брать, что дают, - сказала старуха, вошла в дом и захлопнула дверь, подумав про себя, что в субботу продаст поросёнка на рынке в Дугласе.
Семь размышлял и размышлял, и чем больше он размышлял, тем меньше ему это нравилось. - Тебе бы лучше поскорее убраться отсюда, Семь-малыш, - сказал он себе. Потом он вспомнил, что он один из Семи Волшебных Свиней, встряхнулся, произнёс волшебные слова, которым научила его мать, и через несколько секунд уже бежал по дороге в Дуглас. “Ты никогда не будешь глядеть на мир из свинарника, парень, - говорил он себе, - а коли там останешься, разве что в бекон превратишься.”
Наконец он добрался до Дугласа и зашагал по оживлённым улицам, удивляясь магазинам, людям, повозкам и экипажам, снующим туда-сюда. Он вилял хвостом слева направо, навострив алые ушки, и глаза его горели красным светом, точно рубины. Вскоре за ним последовали люди, и один из них попытался схватить его,

но поросёнок обернулся с горящим взглядом, и человек поспешно отпустил его. “По-моему, они тут в Дугласе не видали волшебных свиней," - сказал себе Семь и пошёл дальше, ступая осторожно и принюхиваясь.
- Чудный из тебя умник, малыш, - сказал крупный мужчина в форме, стоявший посреди дороги, - а хочешь, пойдём со мной, и я покажу тебе достопримечательности Дугласа? - Это у вас свинарник, что ли? - спросил поросёнок. - Конечно, нет, - сказал мужчина. - я покажу тебе великолепную комнату, она подходит для таких, как ты. - Хрю! Хрю! - сказал белый поросёнок. Они пошли, и маленький поросёнок последовал за ним, и... что бы вы думали? - он запер поросёнка в полицейском участке!
Теперь Семь оказался в худшем положении, чем когда-либо. Если из свинарника было трудно выбраться, то из тюремной камеры - ещё труднее. “Это вы называете большой комнатой? - сказал Семь, усаживаясь посреди камеры и почёсываясь. - Ну, ну, Семь, парень, ты и впрямь в яме, но, почёсываясь, ты доберёшься до вершины, как говорил крот.”
И с этими словами он начал надуваться всё больше и больше, пока не заполнил всю камеру. Затем дверь поддалась, и, разбрасывая полицейских направо и налево, он выскочил на улицу, где оказался почти таким же большим, как воздушный шар. Что за беготня и крики там были!
"Пригоните пожарную машину!" - закричал один, а другой крикнул: “Перекройте конец дороги!” - но, хотя говорили они много, никто не осмелился ничего сделать.
Как только Семь вышел из Дугласа, он встряхнулся и делался всё меньше и меньше, пока не превратился в маленького поросёнка, трусившего по дороге к горе Снэфелль. "Здесь самые ужасные люди на свете, - говорил он себе, - тебе нужно немножко волшебства, чтобы справиться с ними.” Наконец пришёл он к подножию Снэфелля. "Интересно, будет ли холодно? - говорил он, - и будет ли там клевер для меня?”
Вскоре он уже взбирался на гору, но нигде не мог найти клевера, лишь камни и жёсткую траву, и очень проголодался. Вскоре он встретил Горного мудреца, у которого там был чудесный дворец. - Moghrey-mie, маленький поросёнок, - сказал мудрец, - доброе утро. Куда это ты собрался в такой прекрасный день? - Я иду по белу свету, а мой нос передо мной, - сказал поросёнок. - Когда-нибудь из-за твоего носа у тебя будут неприятности, - сказал мудрец, - ты бы лучше зашёл в мой замок, поесть и попить, прежде чем пойдёшь дальше. - У вас тут есть свинарник? - спросил Семь. - Или комната, где вы меня запрёте? Потому что мне вовсе не по нраву такие места! - Ты можешь пройти через дворец и выйти, когда захочешь, - сказал мудрец. - Тебя ничто не удержит, если ты не будешь совать свой нос куда не следует. - Gur eh mie eu, - сказал Семь, что по-мэнски означает ”благодарю", и они пошли дальше, к вершине горы.
Действительно, это был прекрасный замок, в котором было множество леди и

джентльменов в прекрасных одеждах, которые ели, пили и смеялись; играла музыка, и раздавался плеск фонтанов в мраморных бассейнах. Семь ел и пил с лучшими из этих людей, пока, наконец, не устал, не лёг и не уснул. Когда он проснулся, во дворце не было ни души, кроме него самого. Огни сияли, столы были накрыты, но всё было тихо.
“Странные тут дела творятся,” - сказал себе поросёнок; и он фыркал и обнюхивал весь дворец вокруг, сверху донизу. - Я думаю, где-то здесь есть волшебство." Он сел почесать левое ухо правой ногой, как вдруг заметил маленький бумажный пакетик, засунутый в уголок кухонной полки, – это была кухня, до которой он добрался во время своих путешествий. - Что это вообще такое? - сказал Семь, принюхиваясь к пакету. Снаружи было что-то написано, но, хотя он и учился волшебству, читать так и не выучился. "НЕ ОТКРЫВАТЬ!" - говорилось там, но этого Семь не знал. Он пофыркал, понюхал и разорвал бумагу. - Уф! - сказал он. – Ничего другого, кроме соли… - И громко чихнул, сдувая соль.
В тот же миг раздался страшный рёв, вспыхнуло пламя, и всё вокруг поглотило пламя и вспышками молний. И маленький поросёнок обнаружил, что он находится на вершине Снэфелля, подставив все четыре ноги ветру и моргая от пламени. И не видать, ни слыхать ни прекрасного замка, ни лордов, ни леди, ни самого мудреца, - лишь туман, спускающийся с холма… “Ты и вправду натворил дел, малыш, - сказал себе Семь, - тебе бы лучше убраться отсюда.” И он побежал так быстро, как только могли нести его ноги, и не останавливался, пока не добрался до своей матери и шести младших братьев в Колби.
- Ну как, поглядел на белый свет, Семь? - сказали они. - И как там насчёт еды и питья? - Так себе, так себе, - сказал Семь, - а ещё там много хитрецов… так себе хитрецы. - Разве я не велела тебе не совать нос в чужие дела? - сказала мать, - и никогда не показывала, как действует на чары соль? - Хрю! Хрю! - сказал поросёнок и посмотрел на братьев. – Тому, кто не может не совать свой нос в чужие дела, - сказал он, - лучше бы ему оставаться дома. - Это ты сам говоришь, - сказала мать. А когда Семь отвернулся, она рассмеялась в сторону, уткнувшись в клевер.

Старое Рождество

Во времена наших бабушек настоящим Рождеством считалось старое Рождество - 5 января. В канун Чёрного Томаса (так назывался первый день Рождественских святок) все веретёна нужно было убрать, изготовление рыбацких сетей прекращалось, и никакие работы не должны были выполняться до окончания двенадцатого дня. Но однажды в Баллакуэле жила-поживала одна старая женщина по имени Пегги Шиммин, и она собиралась закончить начатую пряжу, поэтому в канун Старого Рождества она подумала: «Новое Рождество прошло, и, конечно же, нет ничего дурного в том, чтобы немного “покрутить” сегодня

вечером», хотя и сомневалась в своём сердце, не согрешает ли она. Поэтому, когда хозяин и все остальные уже были в постели, она подозвала свою юную служанку, малютку Маргад, и сказала: - Маргад, мы с тобой закончим пряжу сегодня вечером. Маргад ужасно испугалась, но достала свою прялку и села рядом с хозяйкой. Эти двое начали крутить веретено, и они крутили и крутили почти до полуночи, и вот как раз около полуночи старая Пегги увидела, что лён, который она вытаскивала из прялки, становится всё чернее и чернее, пока не стал совсем чёрным, как смола. Но лён Маргад не изменил цвет, потому что она делала лишь то, что приказала ей ее хозяйка. Пег тотчас бросила лён, убрала веретено и в страхе забралась в кровать. Теперь-то она узнала, когда бывает настоящее Рождество, и никогда больше не крутила веретено в канун Старого Рождества. Маргад осталась одна на кухне, когда её хозяйка легла спать, и вначале она дрожала от испуга; но она была довольно смелой девушкой, и поняла, что некому помешать ей узнать, правда ли всё, что она слышала о старом Рождественском сочельнике. «Говорят, - подумалось ей, - что пчёлы выходят из улья, трёхлетние волы падают на колени, и мирра расцветает…» Затем она сказала себе: «Я думаю, не пойти ли посмотреть на мирру. » Поэтому она закуталась в плащ и выбралась за дверь в холодную морозную лунную ночь, и когда она шагнула на улицу, пробила полночь. Она наклонилась, чтобы поглядеть на то место, где был зарыт корешок мирры, и, когда она смотрела, земля начала шевелиться и трескаться, и вскоре над землёй поднялись два маленьких зелёных ростка. Она наклонилась поближе, чтобы увидеть, что произойдет, и, к её великому удивлению, листья и стебли у неё на глазах стали большими и крепкими, а затем начали набухать почки, и через несколько минут распустились прекрасные белые цветы, и весь сад пропитался их сладким ароматом. Вначале Маргад не могла ничего делать, только смотреть на них, но в конце концов она осмелилась сорвать один маленький лепесток и всю жизнь хранила его на счастье. Затем она подошла к коровнику и заглянула в дверь. Она услышала кряхтение, и молодые волы, охая, стояли на коленях, и с них капал пот. Маргад тоже преклонила колени и вознесла молитву Святому Младенцу, Который родился в вертепе. Но чудеса ещё не закончились: когда она тихо вернулась домой, то заметила, что пчёлы поют и летают вокруг улья - и, когда Маргад закрыла за собой дверь дома, они снова влетели внутрь улья. Всегда после этого случая, когда соседи спрашивали Маргад, верит ли она в чудеса, что случаются в канун старого Рождества, она отвечала: «Я знаю, что это правда, поскольку видела всё это сама».

Кэтрин Киллип

Ночь на святую Бригитту

Давным-давно жила-была женщина по имени Нэн Куайн, жила она со своим мужем Томом и единственной их дочерью Пэй на маленькой ферме у дороги, что ведёт от берега к горам в Лакси. Тому и Пэй было чем заняться, и они были счастливы, день-то был долгим; Пэй помогала отцу на ферме, либо они вдвоём ходили по домам соседей и здоровались со всеми, куда бы ни пошли. Но никто ведь не захочет жить по соседству с Нэн, разве только мистрис Кьюли, которой всё равно, в чьём она доме, если только это не её собственный. Нэн была самой большой ворчуньей и жалобщицей, какую только можно встретить, пробродив пешком весь день. Она была резкой, как восточный ветер. У неё никогда ничего не получалось. Кровля протекала. Молоко было кислым. Масло не поступало в маслобойку... Ворчанью её не было конца.

И вот как-то раз зимним днём, когда ветер обрушил на горы ливень из мокрого снега, в дверь Нэн постучали. Это была мистрис Кьюли, которая устала от собственного дома и приехала повидаться с ней.- Как поживаете, подруга? - спросила она, присаживаясь у очага. - Хожу да ворчу, мистрис Кьюли, хожу да ворчу. - На что вам-то ворчать? - Вы полное право имеете это спросить. Да на всё, говорю я вам! На всё! Вот муж мой уехал сегодня днём, чтоб помочь Джуану Креллину починить крышу сарая и сделать тысячу и одну вещь на его ферме. - Да уж. С мужчинами дела такие. - Вы совершенно правы! Ему следовало бы лучше знать. После неудачного лета на рыбалке и плохого урожая можно было подумать, что он поостережётся ломать и разрушать. Но тут я одна. Некому и пальцем шевельнуть. Все против меня! В самом деле, я часто говорю, что ничего плохого нет в том, чтоб не подходить к этой двери. Но что тут поделаешь? Так вот всё и происходит.

Мистрис Кьюли помолчала с минуту, а потом вдруг сказала:- Я верю, что и вы можете что-нибудь сделать именно в этот день. - И что бы это такое могло быть? - Сегодня та самая ночь, которую старики называли ночью святой Бригитты, - сказала мистрис Кьюли. - Это первое февраля, знаю, потому как аккурат в этот день ткач за ниткой приходит, вот и сегодня утром он пришёл. - Сегодня ночь святой Бригитты, стало быть. - Э, хватит, чем же эта ночь от всякой другой отличается? - Ну, моя мать говорила, что эта ночь удачу приносит. Это одна-единственная ночь в году, когда Бригитта странствует по дорогам в поисках места, где можно было бы отдохнуть. - Да, теперь я вспомнила. Моя мать то же самое сказала бы... Люди пекли для неё пирог на соде, готовили постель, а потом подходили к дверям и просили её войти. - Да. И в каждом доме, в который она войдёт, обязательно будет удача до конца года. Почему бы вам не попробовать самой? Возможно, в этих старинных историях что-то есть. - Как думаете, успеем ли мы? - Времени достаточно. Достаточно времени. Давайте, я кликну Пэй, чтоб она вошла и помогла вам.

Наконец, распахнулась дверь, и Пэй округлила глаза от изумления при виде лучшей льняной скатерти, белой, словно горный снег, фарфоровой чашки,

тарелки и блюдца, - всего, что было на кухонном столе. - Разве вы ждёте, что кто-нибудь придёт в дом? - спросила она. - Да, так оно и есть, и я тороплюсь привести всё в порядок. Спальня не выметена ещё, а там и тысяча других вещей, которые сделать нужно. Возьми веник, да лопату, да серое гусиное крыло, чтоб вымести во всех углах, да в спальне подмети. Затем возьми ведро с водой и пол протри. Я на кухне испеку пресный пирог и к ужину на стол накрою. Как будет всё готово, я как раз постель постелю. Поспешай, время-то терять нельзя! - А кто идёт сюда, матушка? - Погоди и увидишь. Убирайся и делай, что я говорю.
Пэй исчезла в маленькой спальне и начала подметать, а мистрис Кьюли сидела на кухне, пока всё не было сделано. Потом она встала, собираясь уйти. - Знаете что? Никогда я ничего подобного не видала, - сказала она. - Тонкие льняные простыни и великолепные шерстяные одеяла на кровати! Стол накрыт всем лучшим, что только есть у вас в доме. Говорю вам, губернатор, епископ или выборный судья с радостью сели бы сегодня за этот стол! Теперь-то вы точно знаете, что делать? Не дожидаясь, пока та узнает, она продолжала: - Прежде чем лечь спать, подойдите к двери и пригласите Бригитту войти. Вы откройте дверь и скажите: “Бригитта, Бригитта, если ты зайдёшь в какой-нибудь дом, посети и мой дом этой ночью". Тогда вы оставите дверь открытой, ляжете спать и оставите дом в распоряжении Бригитты. Утром, если кровать будет измята, а еда съедена, вы поймёте, что вас навещала Бригитта, и к вам придёт удача. Взявшись за дверную ручку, она обернулась: - У вас должен быть тростник, чтоб разбросать по полу. Набрали вы тростника? - Нет, я позабыла об этом, - сказала Нэн. - Идите срежьте связку на поле за нашим домом. Ещё достаточно светло. Удачи вам теперь!
- Кто такая Бригитта, матушка? - Одна из святых прежних времён. Старики говорили, что, когда она была маленькой девочкой, она работала в поле, ухаживала за животными и занималась сбором урожая на ферме своего отца. Одна такая ночь в году, - она, говорят, бродит по дорогам и ищет места, где бы отдохнуть. - Надеюсь, она придёт сюда. Хотела бы я знать, как она выглядит? - Я слыхала, будто она одета в синее. Люди звали её Бригитта Синяя Мантия. Но коли она придёт, мы уж спать ляжем, так что всё одно не увидим её. Набери немного дёрна, чтоб огонь развести, да я за тростником схожу до темноты. Хотя не знаю, почему это я должна за ним идти. Жалко, что отец твой ещё не вернулся.
После ухода матери настала тишина. Пэй достала носок и принялась вязать. Часы тикали, старая кошка мурлыкала у очага, а она думала о Бригитте, которая, когда была маленькой девочкой, помогала на ферме и в молочном хозяйстве, точь-в-точь как сама Пэй. Она жаждала, чтобы Бригитта пришла в дом, хотя, возможно, никогда и не увидит её. Конечно, если она получит два приглашения, то будет знать, что ей рады, и обязательно придёт, поэтому Пэй встала и пошла к двери. Она открыла её и стояла там, прислушиваясь, и через

некоторое время ясным голосом тихо произнесла: - Бригитта, Бригитта, если ты зайдёшь в какой-нибудь дом, посети и наш дом этой ночью.
Внезапно море утихло, чайки перестали кричать, и Пэй испугалась того, что наделала, поэтому она вбежала в дом, захлопнула дверь и снова села с вязанием. Через какое-то время её разбудил робкий стук в дверь и голос: “Есть здесь кто-нибудь?”
Когда Пэй набралась храбрости, чтобы пойти и открыть дверь, она обнаружила, что это старуха, просящая убежища от стихий, как это часто делали нищие и бродяги с дороги. - Добро пожаловать, - сказала Пэй, освобождая для неё место у очага. - Дайте мне ваш плащ, и я вам его высушу, - и она расстелила на стуле перед огнём изодранную и выцветшую одежду старухи. - Снимите башмаки, просушите и их тоже. - Я с радостью сделаю это, дитя. Я пришла по горной тропе, а вереск сырой, и в это время года ямы на болотах полны воды. - Должно быть, вы проголодались. - Ну, если есть у вас лишний кусок хлеба, я бы с ним справилась. - Да уж, хлеба у нас сегодня много. Мы гостью ждём. Так-то вот. Берите, - и она отрезала ей большой кусок от свежеиспечённого пресного хлеба на столе. После того, как старуха поела, она села погреть руки в красном зареве дёрна и, клюя носом в тепле, уснула. Её морщинистое лицо выглядело усталым, и Пэй стало жаль, что той приходится скитаться по дорогам. - Не хотите ли отдохнуть немного, прежде чем опять выходить на улицу? Кровать приготовлена для гостьи. Бригитта, вот кто придёт. Но сегодня она сама в пути, и я не думаю, что она обидится, если вы немного поспите на её кровати, пока дождь не пройдёт. - Я сделаю это, дитя, но ты помни: не давай мне спать слишком долго, мне ведь ещё далеко шагать до утра. Пэй пообещала и оставила её. В доме витали дружелюбие и счастье, и её вполне устраивало посидеть одной на кухне. Мало-помалу она различила звук приближавшихся шагов своей матери. - Ночь сейчас суровая, дочка, - сказала та, - не знаю, есть ли вообще надежда, что Бригитта из дому выйдет в такую ночь. Она как раз собрала связку тростников, чтобы разбросать их по полу кухни, и вдруг заметила следы грязной обуви. - Кто это здесь ходил в грязных башмаках по чистому кухонному полу? - сердито закричала она.- Это старуха, что приходила укрыться от дождя.- А сейчас где она?- Я здесь, хозяйка. Я отдыхала на кровати, но больше не буду вас беспокоить.- Надо же, она лежала на кровати! Не для таких, как ты, я застилала эту кровать прекрасными белыми льняными простынями и лучшими одеялами в доме!- Я не побеспокою вас, вот увидите. Отдай мне башмаки, дитя, и через минуту я уйду. Вот теперь, - когда она сняла со стула свою рваную одежду, - просто дайте мне надеть это, и я готова.- Но сейчас ведь темно и идёт сильный дождь! - воскликнула Пэй. - Позвольте мне пойти с вами по дороге, иначе вы заблудитесь.- Нет, дитя, я хорошо знаю дороги, и мне не причинят вреда. Может быть, ты просто дашь мне кусок хлеба на тот случай, если я не буду заходить в другой дом.

Пэй тотчас же взяла со стола пресный хлеб.- Кто резал этот пресный хлеб? - спросила её мать.- Я попросила у девочки кусочек, когда вошла.- Да что же это такое, - самый лучший пресный хлеб! Это каравай, который я приготовила для Бригитты. На, возьми вот это, - и та протянула ей кусок ячменного хлеба, крепко приставший к черепку. - А теперь выметайся отсюда, чтобы я могла убрать всю эту грязь и придать дому приличный вид ради той особы, которую мы сегодня ожидаем. - И она вытолкнула старуху из дома и с громким шумом захлопнула дверь.
Внезапно порыв поднявшегося ветра снова распахнул дверь, и Пэй, закрывая её, обнаружила на полу старый кусок ткани.- Плащ старухи, должно быть, зацепился за дверь, - сказала она, показывая лоскут матери.- От неё, скажу я тебе, так просто не избавиться! Брось его в огонь!
Но Пэй всё рассматривала его и продолжала вертеть в руках: - Как, вы сказали, она будет одета, матушка? Я имею в виду Бригитту.- Я сказала, что она всегда была в синем плаще. Люди звали её Бригитта Синяя Мантия.- Бригитта Синяя Мантия! Матушка, это же синий! Смотрите, вот здесь, в складках, где ткань не выцвела. Я никогда раньше не видела такого синего цвета. Матушка, это была Бригитта! Она была здесь, а мы её так и не узнали!- Никогда, дочка, никогда мы ещё не были такими дурами!- Матушка, я собираюсь найти её и вернуть, - и прежде чем мать смогла остановить её, та исчезла в темноте.
Мать начала снова готовить комнату для Бригитты, но когда Пэй отсутствовала уже несколько минут, она забеспокоилась. - Пэй! Пэй! Где ты? - позвала она и выглянула в ночь.- Я здесь, матушка. Бригитта возвращает меня обратно.- Не такая нынче ночь, чтоб дитя оставалось на улице, хозяйка. Возьмите её и берегите.- Ты... вы зайдёте к нам сейчас? - спросила Нэн.- Нет, хозяйка. Я пойду своей дорогой. А теперь подожди, Пэй. Я пошлю тебе удачу. Да пребудет мир Божий на этом доме,На каждом окне и каждой двери,На каждой ямке и щели для лунного света.Да пребудет мир Божий на вас самих.
Когда через мгновение Пэй и её мать подняли глаза, там никого не было, но тьма и буря исчезли, и всё небо освещал яркий лунный свет.

Аластер Нил

Трамвай-призрак

В глухую ночь на Хэллоуин люди, живущие неподалёку от мэнской трамвайной линии, могли слышать визг и скрежет трамвая, пока он следовал своим путём вдоль подножия прибрежных холмов. Те, кто обладал здравым смыслом и опытом, ворочались в своих постелях и плотно натягивали на себя одеяло. Ни один постоянный трамвай никогда не ходил так поздно в это время года. Звуки не вызывали сомнений: скрежет металла по металлу, потрескивание

электрических искр, натужные разрывы и ритмичный стук колёс по рельсам. Они разносились на бесконечном расстоянии, пробиваясь сквозь сильные порывы позднего осеннего ветра, смешиваясь с напряжённым скрипом сбрасывающих листья ветвей, чьи тёмные крепкие деревья готовились к наступающей зиме. За ними волны Ирландского моря бились внизу о скалы. Это был повседневный шум обычной мэнской осени, с клубящимися туманами и быстро движущимися низкими облаками, которые проносятся над утёсами через долины и глубокие ущелья, но теперь он сопровождался чем-то совершенно неестественным. На каждой остановке трамвая раздавался пронзительный визг его гудка. Эхо, разносящееся по окутанной туманом сельской местности, звучало попеременно то как крик покинутой души, то как угрожающий визг. Леденящий кровь звук, который, казалось, ясно говорил: "садись в этот трамвай, если осмелишься". Хэллоуин - кельтский праздник, который проводится 31 октября и является празднованием первоначального кельтского Нового года. На острове Мэн Хэллоуин известен как "Хоп-ту-наа". Этот праздник конца лета, связанный с праздником урожая Самайн (на мэнском гэльском языке "Sauin"), отмечается у кельтских народов. Абсолютно языческий по своему происхождению, праздник Хэллоуин теперь распространился по всему миру, особенно в Новом Свете, чему способствовала эмиграция кельтов. Это время суеверий, знаменующее конец лета и начало долгой тёмной, холодной зимы. А также это время, когда мир живых и мёртвых видится наиболее близким. Завеса между ними может становиться тонкой и временами прозрачной. Для жителей Острова Мэн неудивительно, что на Хэллоуин пересекаются миры жизни и смерти. Их традиция зажигать костры и горящие репы фонари в эту ночь нацелена на то, чтобы изгнать из другого мира тех духов, которые могут причинить вред, и в то же время воздать должное тем, кто перешёл на «другую сторону». Это праздник, основанный на традициях, опыте и многовековых легендах, игнорируемый скептиками и глупцами, иногда даже за их счёт. 31 октября Нил, Иэн, Мойра и Фиона усердно готовились к предстоящей ночи. Вместе с другими они устроили вечеринку в честь Хэллоуина на пляже, известном как Корнаа. Выдолбить репу, приготовить еду, поставить музыку и купить напитки и факелы на предстоящую ночь. Они любили это время года. Древний праздник Хоп-ту-Наа не был похож ни на один другой праздник. Четверо друзей решили встретиться дома у Мойры недалеко от деревни Глен-Мона, которая была ближайшей к пляжу. Все они жили в радиусе десяти миль друг от друга, а Нилу приходилось добираться дальше всех. Он жил в Лакси, небольшом городке на побережье к югу от Корнаа. В шестнадцать лет, вопреки желанию родителей, Нил бросил школу и теперь работал на фабрике "Лакси Вулен Милл". Это было источником постоянной напряжённости между ним и его родителями. Он всегда был очень независим, и ему не терпелось сбежать от правил и предписаний, связанных со школьной жизнью. Работа также в какой-то момент дала ему возможность уйти

из дома. Он хотел не оправдываться за свои действия перед родителями. Нил не испытывал к ним неприязни, но иногда чувствовал укол вины из-за частых споров, которые, казалось, возникали из ниоткуда, когда он был дома. Он знал, что часто является причиной этих споров, чрезмерно реагируя даже на самые простые вещи, которые говорили родители. Они были хорошего мнения о нём, он же рассматривал это как их вмешательство в его жизнь. Иэн, Мойра и Фиона остались в школе, и в следующем году им предстояло сдать выпускные экзамены. Они много лет были очень близки с Нилом, и эта дружба продолжалась, несмотря на его отъезд. С одной стороны, его отъезд удивил их: он всегда был самым умным из четвёрки. С другой стороны, это соответствовало сильной независимости, которая делала его характер таким привлекательным для них. Определённая отчуждённость, тихая решительность в сочетании с красивой внешностью придавали ему загадочный вид. Иэну особенно нравилось, что Нил был его близким другом, который теперь работал. Это давало ему ощутимую связь со взрослой жизнью, которой, по-видимому, мешало его постоянное посещение школы. Всё шло по плану, и к семи часам вечера несколько человек уже прибыли на пляж Корнаа. Это была свежая, холодная ночь; лёгкий туман, спускавшийся с холмов, почти смешивался с туманом, который поднимался с моря и тонкими клочьями цеплялся за землю. Эффект был поразительным: паровой навес над туманным ковром, отражавший сверху и снизу свет от недавно зажжённых факелов и костров. Настроение было хорошее, и, как всегда, четвёрка взяла на себя роль хозяев на ночь. Люди приносили продукты для выпечки и гриля, а обычная смесь пива, сидра и вина, - всё это повышало настроение и усиливало возбуждение. Раздалась музыка, и к ночи толпа выросла до пятидесяти человек. Одни сгрудились у двух костров, болтали и смеялись, другие танцевали рядом. Мойра и Фиона забирали еду и напитки, принесённые вновь прибывшими, и раскладывали всё на переносных столах. Нил назначил себя барменом, а на самом деле просто следил за тем, чтобы столы с выпивкой были постоянно заполнены. Иэн был занят тем, что помогал печь картошку, жарил стейки, сосиски или что-то ещё. Вокруг стояли десятки выдолбленных фонарей из репы. Четверо лишь иногда оказывались вместе в начале вечера, но по мере того, как лихорадочная гонка занятий утихала, они тянулись друг к другу и позволяли остальным помогать им. После половины одиннадцатого большинство людей собралось многочисленной группой между двумя кострами, разложенными недалеко от моря. Туман с холмов стал гуще, но всё ещё висел футах в пятнадцати над землёй. Ночь была тихой, без дождя, и прибой, плескавшийся по галечному берегу, раскатывал камни взад-вперёд, создавая нежный, ритмично скрипящий аккомпанемент к случайному треску горящего дерева. С приближением полуночи люди по очереди рассказывали истории о привидениях. Было много смеха и поддразнивания, но, как и всегда на Острове Мэн, у этих сказок был серьёзный подтекст. Мэнцам, которые никогда

полностью не отходили от старых языческих верований, свойственно в душе никогда полностью не отказываться от рассказов о сверхъестественном на Острове. Традиция единства живых и мёртвых в эту волшебную ночь таилась в сознании каждого. Прыгающее пламя костров едва пробивалось сквозь тёмную осеннюю ночь, создавая мерцающие тени на фоне окружающего тумана. Люди придвигались к костру в поисках всеобщей защиты от любого призрачного присутствия, которое могло оставаться за пределами светового круга. Щит от невидимых духов, созданный воспоминанием о тепле, которое они больше не могли ощущать... К часу ночи люди начали отходить от вечеринки. Огонь утих, и мерцающим свечам в фонарях позволили догореть. Столы были сложены; мусор собрали и сложили в безопасный угол бухты, чтобы убрать позже, днём. Нил, Иэн, Мойра и Фиона последними покинули пляж, и к этому времени туман сгустился и упал на землю. Пока они шли, свет их факелов едва рассеивал клубящийся туман. Они решили пойти по тропе, которая вела от пляжа Корнаа к соседнему пляжу Баллаглас-Глен, - маршрут, который они хорошо знали. Затем они поднялись по крутой узкой дороге, которая пролегала недалеко от древнего захоронения Каштал-ин-Ард. Мойра жила поблизости, и они с Фионой отделились от ребят, чтобы пойти к ней домой. Ещё один успешный Хэллоуин, - счастливые и довольные подруги попрощались, в то время как Нил и Иэн всё шли. Они подошли к трамвайной линии, которая позволяла сократить путь к дому Иэна, откуда Нил намеревался продолжить идти до Лакси. Они пробирались по тропе, где путь был легче, сквозь сгущающийся туман. Именно тогда они это услышали. Скрежет металла по металлу, ритмичные щелчки трамвая на рельсах. Сначала он казался далёким, густой туман искажал шум, из-за чего было трудно определить, идёт он впереди или сзади. Затем медленно, но верно он приблизился, и они ощутили вибрацию, бегущую по рельсовому пути. Над электрическим кабелем, питавшим трамваи, загудела невидимая энергия. Он шёл позади них. - Какая удача! - сказал Нил. - Он может идти только на Лакси. - Не могу понять, - ответил Иэн, - что, чёрт возьми, здесь в это время делает трамвай? Ты знаешь, я слышал дурные речи от некоторых стариков о странном трамвае, который проезжает здесь в ночь на Хэллоуин. Нил засмеялся над своим другом и игриво схватил его за шею:- Что это за трамвай, полный хэллоуинских ведьм, добирающихся домой? А куда подевались окровавленные мётлы, а? Иэн встряхнулся, немного смущённый. Тем не менее, у него было необычное ощущение, и он вздрогнул, почувствовав, как густой влажный туман впервые за эту ночь пронизывает его кости: - Послушай, Нил, меньше чем через полмили мы дойдём до переулка, который ведёт к моему дому. Оставайся у меня.- Тебе-то нормально, школота, - усмехнулся Нил, - а мне завтра первым делом нужно на работу. Не всё ли равно, отчего сегодня здесь трамвай, - раз он в мою сторону, я сяду на него. Шум приближался, дрожание рельсов и жужжание электрического кабеля предполагали, что он приближается быстро.

Они пытались что-нибудь разглядеть, но затем сквозь клубящийся туман показалась единственная фара трамвая. Нил встал возле рельс и начал размахивать фонариком в отчаянной попытке остановить трамвай. Послышался визг трамвайного гудка, эхом разнёсшийся по уединённой сельской местности. Это заставило Нила и Иэна отскочить от края трассы. Всего на несколько секунд они подумали, что трамвай не заметил или проигнорировал их. Затем разъёмы начали сцепляться, и искры трения рассыпались фейерверком, когда колёса трамвая остановились на сырой дороге. Машина стала ярдах в пятидесяти дальше по дороге. Фара трамвая представляла собой круг клубящегося тумана впереди. - Почему в трамвае не горит свет? - сказал Иэн, наполовину про себя, но наклонившись к уху Нила, - а где водитель и кондуктор? - Какая разница, пора идти. Встретимся завтра, - прокричал Нил, мчась по обочине к работающей на холостом ходу машине. - Послушай, Нил, здесь что-то не так, не садись на него, - тревожный голос Иэна летел вслед его другу. Последний сигнал, - и Нил вскочил на ступеньки и сел в единственный вагон. Трамвай сразу же тронулся, и в последний раз Иэн увидел громоздкую викторианскую машину, исчезающую в тумане. Затем он снова услышал крик гудка. Было ли это игрой его воображения, или прозвучал и человеческий крик?.. - Нил! - отчаянно крикнул Иэн, но услышал лишь ритмичный звук трамвая, мягко уходящего вдаль... После той ночи Нила больше не видели. В течение нескольких недель были организованы поисковые группы, которые обыскивали сельскую местность между пляжем Корнаа и Лакси. Полиция несколько раз опрашивала Мойру, Фиону и Иэна, всегда спрашивая, было ли нечто в ту ночь на Хэллоуин, о чём они им не рассказали. Самая большая загадка окружала историю Иэна о трамвае, в который сел Нил. Ему говорили, что в ту ночь трамвай не ходил, но старики знали лучше. Это был Трамвай-призрак (по-мэнски - Tram Scanjoon); его путешествие начинается и заканчивается в тёмном, ином мире - мире мёртвых.

Старое мэнское Рождество в часовне святого Патрика

Ему необходимо было проветрить голову. Он чувствовал, что мозг его всё ещё отуманен. Когда начался тур предрождественских выпивок и празднеств? Будто всего лишь минуту длился праздник Хоп-ту-наа (мэнский Хэллоуин), а затем - хлоп! - разом пришли приглашения и туда, и сюда. Коктейль со льдом, снова коктейль со льдом... а потом наступило 25 декабря. На этом всё закончилось? Разумеется, нет, - главным финалом был Новый год. Кажется, целый месяц сплошного потакания своим слабостям. Из-за всего процесса празднования Джамис ощущал себя разбитым. Только теперь он почувствовал, что возвращается к нормальной жизни.
Лёгкий завтрак; всё это - часть процесса выздоровления, а затем он пешком пойдёт от своего дома в Кёрк-Майкле до Глен-Муэра. 6 января 2013 года стояло холодное, ясное воскресное утро. Последние пару дней лил дождь, но прошлой

ночью небо прояснилось, и теперь землю укрывал густой белый иней. Едва выйдя из дома, он невольно ахнул, когда холодный воздух пронизал его тело. Деревенская улица была пустынной, и он быстро направился к дороге, ведущей на Глен-Уиллен, Глен-Муэр, а затем на город Пил (Пёрт-нэ-хИнджя). Он переходил дорогу, там наткнулся на сельский паб и бросил на него тревожный взгляд, проходя мимо. Место многих чересчур усердных запойчиков за последние несколько недель сейчас принимало облик замка Дракулы; это место следовало избегать любой ценой.

Приблизившись к Глен-Муэру, он услышал шум воды. Дождь предыдущих дней стекал с гор и своим неустанным движением к морю наполнял реки. "Это хорошо, - подумал он, - водопад Спуйт-Вэйн будет смотреться замечательно." Спуйт-Вэйн был впечатляющей особенностью долины, и он с нетерпением ожидал живительного зрелища и звука падающей воды. Джамис толкнул распашные ворота и вошёл в долину. Листья, что оставила на земле осень, лежали белым, хрустевшим под ногами ковром. Он наклонился, чтобы поднять один из них. Идеальной формы, плоский и блестящий от мороза. Джамис начал своё восхождение по узкой тропе, окаймлявшей реку.

Заблудившись на несколько минут в собственных мыслях, он увидел перед собой фигуру. Вот чёрт, сегодня он действительно желал только общества самого себя и места для уединения. Однако издалека ему было видно, что это женщина в длинной тёмной одежде. Когда он взглянул на неё, она подняла руку и помахала. Он обернулся, чтобы посмотреть, не машет ли она кому-нибудь за его спиной, но на тропинке было пусто. Может быть, это был кто-то, кого он знал, и он повернулся, чтобы помахать в ответ, но фигура исчезла. Ну что ж, вероятно, в конце концов он догонит её. Игнорирование людей, пусть и незнакомых, для жителя Острова Мэн является большим недостатком, и лучше что-нибудь оставить англичанам, которые, кажется, достигли совершенства в своего рода отстранённости от общества.

Грохот водопада стал более отчётливым, когда он направился к Каббал-Фэрик - развалинам старинной церкви Святого Патрика восьмого-десятого века в долине. Издалека ему почудилось, будто он слышит пение. Оно было вдали, но ему подумалось, что звучит это как гимн, и, очевидно, пели на мэнском языке. Неудивительно, ведь за последние несколько лет в мэнском языке произошло значительное возрождение, да и он сам посещал занятия для взрослых, чтобы повысить свой уровень. Странно, что в такое утро долине могут быть люди. Раз люди собирались спеть гимн, то, конечно, скорее всего, было воскресенье, но он никогда бы не подумал, что они будут исполнять его в долине в морозный зимний день.

Джамис поднялся в верхнюю часть долины. Он миновал руины Каббал-Фэрик, а потом на некоторое время задержался у нижней части водопада. Шум вспенившейся воды, низвергавшейся в озеро, произвёл на него гипнотическое

воздействие. Из оцепенения его вывела дрожь его собственного тела, когда он снова осознал, как холодно. Смотря сквозь голые ветви зимних деревьев, окружавших водопад, он мог заметить, что снова собираются облака. Облака тёмного оттенка, переходящего в розово-белый, обещали снег. Джамис стал подниматься вверх по крутым ступенькам, которые начинались у основания водопада и возвращались к тропинке, которая привела бы его вниз в долину. Покрывало сгущающегося облака окутало долину темнотой. Приблизившись к развалинам старой часовни, он снова заметил фигуру женщины, которая промелькнула перед ним раньше. Теперь он разглядел, что у неё длинные золотистые волосы. Бледный цвет её кожи идеально гармонировал с голубыми кельтскими глазами. Без сомнения, она потрясающая, думал он. Она снова, совершенно явственно, помахала ему, и он был уверен, что вспомнил бы её, если бы видел прежде. Стоя на том, что некогда было дверью церкви Каббал-Фэрик, она махала ему, чтобы он приблизился. Он подошёл к ней и увидел, что она повернулась к нему спиной и стоит прямо в разрушенных стенах. Как только Джамис ступил в развалины часовни, всё для него изменилось.
Внезапно его поразил другой свет, тусклый, прерываемый лишь точками зажжённых свечей. Теперь, видя вокруг стены и крышу, он очутился в часовне, наполненной поющими людьми, одетыми в тёмные старомодные одежды. Стены часовни были украшены остролистом и омелой. Все смотрели прямо перед собой на алтарь, не обращая внимания на его присутствие; все, кроме девушки. Она протянула руку, улыбнулась и взяла его руку в свои. Очень холодная рука; на ощупь она была, словно зимний горный ручей. Она осторожно направила его, чтобы он встал рядом с ней в задней части часовни. Он чувствовал не страх, только изумление от её доброжелательного и обнадёживающего присутствия. Пение прекратилось, и все умолкли. Ведя его обратно к двери часовни, она её отворила, чтобы выпустить его, и когда он выходил, она, точно мягкий холодный ветер, прошелестела ему на ухо по-мэнски своим кротким шёпотом: - Nollick Ghennal ("Счастливого Рождества"). Засмеявшись над его озадаченным видом, она вновь вопросительно взглянула на него:- Laa Nollick’ ("День Рождества"). Через миг Джамис оказался за пределами часовни. Теперь целых стен уже не было, а лишь покрытый мхом их фундамент, который всегда был ему знаком. Было очень тихо; люди все ушли и девушка тоже. Джамис стоял в долине один, и только что выпавший снег падал на него и садился на ресницы, заставляя моргать. Снежинки обжигали ему глаза и возвращали к реальности. Медленно спускаясь по долине, он чувствовал себя смущённым. В чём дело? Ему и раньше случалось замечтаться среди бела дня, но ничего похожего на этот случай не происходило. Это казалось таким реальным! Этот опыт пугал его не так сильно, как беспокойство, что с ним что-то не так. Какая-то проблема со здоровьем, вызванная таким сильным душевным потрясением. Почему она пожелала ему счастливого Рождества, если после Рождества на 25 декабря прошло столько

времени? В этом не было никакого смысла.
Снег почти уже не падал, когда он вернулся в деревню Кёрк-Майкл. Всё ещё не отошедший от шока, он побрёл на манящие огни паба. В рекордно короткий срок нарушив своё новогоднее обещание, вошёл в бар. Было тихо, но он заметил сидящего в углу Иэна. Иэн был завсегдатаем этого местечка с таких давних пор, что никто и не мог упомнить. Джамис подошёл к нему и сел рядом с ним. - Привет, Иэн, - сказал он. Иэн улыбнулся: - Недурно, - полагаю, что должен пожелать тебе счастливого Рождества. - О, - вырвалось у Джамиса, - что ты такое имеешь в виду? Тот, смеясь, ответил:- Ну, ясное дело, шестое января. Много-много лет назад это было старое мэнское Рождество. Slaynt vie! ("Твоё здоровье!")

Грайне Роуленд

Полуночные гости

В деревушке в окрестностях Голуэя наступил Рождественский сочельник. Патрик, его младшая сестра Кэтлин и их родители только что закончили ужинать.- Ну, - сказала мать, - настало время зажечь свечу. Кэтлин, иди скорее. Уже темно.
Мать передала спичку малышке Кэтлин: - Кэтлин, ты знаешь, что по ирландскому обычаю Рождественскую свечу зажигает младший ребёнок в семье. А теперь будь осторожна! - Мама, почему мы зажигаем такую большую свечу в Сочельник? - спросила Кэтлин. - Мы зажигаем большую свечу для Марии с Иосифом, чтобы они её увидели. Может быть, сегодня вечером они придут к нам и отдохнут от своего путешествия в Вифлеем. - О, мама, - сказала Кэтлин, - разве Мария с Иосифом жили не давным-давно? - И вправду, давненько жили они, - вмешался отец, - но в канун Рождества всё ещё случаются чудеса. - А разве ты не помнишь, - продолжила мать, - что свечу может потушить лишь женщина по имени Мария?
Патрик взволнованно сказал: - Давай, Кэтлин, зажги свечу! Я должен выйти и убедиться, что у животных есть сено на ночь. Мне всегда нравится видеть, как свеча горит, когда я возвращаюсь из сарая!
Кэтлин, с сияющими глазами, медленно и осторожно зажгла свечу. Отец бережно поставил свечу на окно. - Теперь мы положим на стол хлеб и поставим кувшин молока для тех странников, которым сегодня, может быть, надо будет подкрепиться, - сказал отец. - И, Патрик, как обычно в эту ночь, не забывай оставлять дверь незапертой, когда заходишь.
Патрик вышел, чтобы управиться с делами в сарае.
На следующее утро, когда сонная семья вышла на кухню, Патрик поспешил пойти накормить животных. Глаза Кэтлин расширились, когда она посмотрела

на стол: - Мама, папа, хлеб и молоко пропали! И посмотрите-ка! На столе свежие розы! - Что?! - переспросила мать. - Откуда здесь появились розы? В это время года нигде нет роз! С удивлением в голосе отец сказал: - Смотрите-ка, свеча была потушена. Кроме следов Патрика, на снегу есть следы ещё двух человек и осла.

Минуту спустя Патрик, затаив дыхание, вернулся в дом: - Отец, там целый сарай, полный сена! Откуда оно взялось? Вчера вечером у нас был корм всего на несколько дней!

Мать и отец с удивлением глядели друг на друга: - Ты думаешь то же, что и я? - спросила мать. - Может быть, - ответил отец. - Что вы такое думаете? - спросил Патрик. - Лишь женщина по имени Мария может потушить Рождественскую свечу. Мы находим свежие розы взамен нашего хлеба и молока. Патрик находит сарай, полный сена, и мы видим на снегу следы двух человек и осла... Как вам кажется, кто приходил в наш дом прошлой ночью? - спросил отец. Глаза Кэтлин заблестели, когда она взглянула на розы: - Как вам кажется, Мария с Иосифом взаправду были здесь? - спросила она.

Мать, отец и Патрик только улыбнулись...